

8496
Г 71
Р.и. 74

М. ГОРЬКИЙ

Слава Красным

475747

Жоган 84Р/1
571

Б И Б Л И О Т Е К А К Р А С Н О А Р М Е Й Ц А

М. ГОРЬКИЙ

СЛАВА ХРАБРЫМ

475747

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ

М о с к в а — 1 9 4 5

Храбрость, неустрашимость в борьбе ради торжества правого дела воспевают М. Горький в помещенных в этом сборнике произведениях. Написанные в конце 19 и начале 20 века, они являются поэтическим отражением революционной борьбы русского пролетариата.

Обменно-резервный
Ф О Н Д

Центральная городская
БИБЛИОТЕКА
г. КУРСКА

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТНИКЕ

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятьем крепким и бросает их с размаха в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома,—чуткий демон,—он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца,—нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревушим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..

(1901 г.)

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

Море огромное, лениво вздыхающее у берега — уснуло и неподвижно в дали, облитой голубым сиянием луны. Мягкое и серебристое, оно слилось там с синим южным небом и крепко спит, отражая в себе прозрачную ткань перистых облаков, неподвижных и не скрывающих собою золотых узоров звезд. Кажется, что небо все ниже наклоняется над морем, желая понять то, о чем шепчут неугомонные волны, сонно всползая на берег.

Горы, поросшие деревьями, уродливо изогнутыми норд-остом, резкими взмахами подняли свои вершины в синюю пустыню над ними, суровые контуры их округлились, одетые теплой и ласковой мглой южной ночи.

Горы важно-задумчивы. С них на пышные зеленоватые гребни волн упали черные тени и одевают их, как бы желая остановить единственное движение, заглушить немолчный плеск воды и вздохи пены,—все звуки, которые нарушают тайную тишину, разлитую вокруг вместе с голубым

серебром сияния луны, еще скрытой за горными вершинами.

— А-ала-ах-а-акбар!.. — тихо вздыхает Надыр-Рагим-Оглы, старый крымский чабан, высокий, седой, сожженный южным солнцем, сухой и мудрый старик.

Мы с ним лежим на песке у громадного камня, оторвавшегося от родной горы, одетого тенью, поросшего мхом, — у камня печального, хмурого. На тот бок его, который обращен к морю, волны набросали тины, водорослей, и обвешанный ими камень кажется привязанным к узкой песчаной полоске, отделяющей море от гор. Пламя нашего костра освещает его со стороны, обращенной к горе, оно вздрагивает, и по старому камню, изрезанному часто сетью глубоких трещин, бегают тени.

Мы с Рагимом варим уху из только что наловленной рыбы и оба находимся в том настроении, когда все кажется прозрачным, одухотворенным, позволяющим проникать в себя, когда на сердце так чисто, легко, и нет иных желаний, кроме желания думать.

А море ластится к берегу, и волны звучат так ласково, точно просят пустить их погреться к костру. Иногда в общей гармонии плеска слышится более повышенная и шаловливая нота — это одна из волн, посмелее, подползла ближе к нам.

Рагим лежит грудью на песке, головой к морю, и вдумчиво смотрит в мутную даль, опершись локтями и положив голову на ладони. Мохнатая баранья шапка съехала ему на затылок, с моря веет свежестью в его высокий лоб, весь в мелких морщинах. Он философствует, не справляясь, слушаю ли я его, точно он говорит с морем:

— Верный богу человек идет в рай. А который не служит богу и пророку? Может, он — вот в этой пене... И те серебряные пятна на воде, может, он же... кто знает?

Темное, могучее размахнувшееся море светлеет, местами на нем появляются небрежно брошенные блики луны. Она уже выплыла из-за мохнатых вершин гор и теперь задумчиво

льет свой свет на море, тихо вздыхающее ей навстречу, на берег и камень, у которого мы лежим.

— Рагим!.. Расскажи сказку... — прошу я старика.

— Зачем? — спрашивает Рагим, не оборачиваясь ко мне.

— Так! Я люблю твои сказки.

— Я тебе все уж рассказал... Больше не знаю...

Это он хочет, чтобы я попросил его. Я прошу.

— Хочешь, я расскажу тебе песню? — соглашается Рагим.

Я хочу слышать старую песню, и унылым речитативом, стараясь сохранить своеобразную мелодию песни, он рассказывает.

I

«Высоко в горы вполз Уж и лег там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море.

«Высоко в небе сияло солнце, а горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень...

«А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился навстречу морю, гремя камнями...

«Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито воя.

«Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

«С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бессильном гневе о твердый камень...

«Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

«Подполз он ближе к разбитой птице и прошипел он ей прямо в очи:

« — Что, умираешь?

« — Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!.. Эх, ты, бедняга!

« — Ну, что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

«Так Уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

«И так подумал: «летай иль ползай, конец известен; все в землю лягут, все прахом будет...»

«Но Сокол смелый вдруг встрепнулся, привстал немного и по ущелью повел очами.

«Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущелье темном и пахло гнилью.

«И крикнул Сокол с тоской и болью, собрав все силы:

«— О, если б в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!... О, счастье битвы!..

«А Уж подумал: «должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, коль он так стонет!..»

«И предложил он свободной птице: — «А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся.

«Быть может, крылья тебя поднимут и поживешь еще немного в твоей стихии».

«И дрогнул Сокол, и, гордо крикнув, пошел к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

«И подошел он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и — вниз скатился.

«И сам, как камень, скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

«Волна потока его схватила и, кровь оmyвши, одела в пену, умчала в море.

«А волны моря с печальным ревом о камень бились... И труп птицы не видно было в морском пространстве...

II

«В ущелье лежа, Уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу.

«И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

«— А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу

своей любовью к полетам в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнать все это, взлетевши в небо хоть не надолго.

«Сказал и — сделал. В кольцо свернувшись, он прынул в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

«Рожденный ползать — летать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убился, а рассмеялся...

« — Так вот в чем прелесть полетов в небо! Она — в падении!.. Смешные птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укоры? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою негодность для дела жизни? Смешные птицы!.. Но не обманут теперь уж больше меня их речи! Я сам все знаю! Я — видел небо... Взлетел в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю. Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом. Я знаю правду. И их призывам я не поверю. Земли творенье — землей живу я.

«И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою.

«Блестело море все в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

«В их львином реве гремела песня о гордой птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

«Безумству храбрых поем мы славу!

«Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О, смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни, и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

«Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

«Безумству храбрых поем мы песню!..»

...Молчит опаловая даль моря, певуче плещут волны на песок, и я молчу, глядя в даль моря. На воде все больше серебряных пятен от лунных лучей... Наш котелок тихо закипает.

Одна из волн игриво вскатывается на берег и, вызываяюще шумя, ползет к голове Рагима.

— Куда идешь?.. Пшла! — машет на нее Рагим рукой, и она покорно скатывается обратно в море.

Мне нисколько не смешно и не страшно выходка Рагима, одухотворяющего волны. Все кругом смотрит странно-живо, мягко, ласково. Море так внушительно спокойно, и чувствуется, что в свежем дыхании его на горы, еще не остывшие от дневного зноя, скрыто много мощной, сдержанной силы. По темносинему небу золотым узором звезд написано нечто торжественное, чарующее душу, смущающее ум сладким ожиданием какого-то откровения.

Все дремлет, но дремлет напряженно-чутко, и кажется, что вот в следующую секунду все встрепенется и зазвучит в стройной гармонии неизъяснимо сладких звуков. Эти звуки расскажут про тайны мира, разъяснят их уму, а потом погасят его, как призрачный огонек, и увлекут с собой душу высоко в темносинюю бездну, откуда навстречу ей трепетные узоры звезд тоже зазвучат дивной музыкой откровения...

(1895 г.)

ЛЕГЕНДА О ГОРЯЩЕМ СЕРДЦЕ*

С моря поднималась туча — черная, тяжелая, суровых очертаний, похожая на горный хребет. Она ползла в степь. С ее вершины срывались клочья облаков, неслись вперед ее и гасили звезды одну за другой. Море шумело. Недалеко от

Отрывок из рассказа «Старуха Изергиль».

нас, в лозах винограда, целовались, шептали и вздыхали. Глубоко в степи выла собака... Воздух раздражал нервы странным запахом, щекотавшим ноздри. От облаков падали на землю густые стай тени и ползли по ней, ползли, исчезали, являлись снова... На месте луны осталось только мутное опаловое пятно, иногда его совсем закрывал сизый клочок облака. И в степной дали, теперь уже черной и страшной, как бы притаившейся, скрывшей в себе что-то, вспыхивали маленькие голубые огоньки. То там, то тут они на миг являлись и гасли, точно несколько людей, рассыпавшихся по степи далеко друг от друга, искали в ней что-то, зажигая спички, которые ветер тотчас же гасил. Это были очень странные голубые языки огня, намекавшие на что-то сказочное.

— Видишь ты искры? — спросила меня Изергиль.

— Вон те, голубые? — указывая ей на степь, сказал я.

— Голубые? Да, это они... Значит, летают все-таки! Ну-ну... Я уж вот не вижу их больше. Не могу я теперь многого видеть.

— Откуда эти искры? — спросил я старуху.

Я слышал кое-что раньше о происхождении этих искр, но мне хотелось послушать, как расскажет о том же старая Изергиль.

— Эти искры от горящего сердца Данко. Было на свете сердце, которое, однажды, вспыхнуло огнем... И вот от него эти искры. Я расскажу тебе про это...

«Жили на земле встарину одни люди, непроходимые леса окружали с трех сторон таборы этих людей, а с четвертой — была степь. Были это веселые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжелая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жены и дети этого племени, а отцы

задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна — назад, — там были сильные и злые враги, другая — вперед, — там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могучими ветвями, опустив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днем, в сером сумраке, и еще плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днем и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А еще страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были все-таки сильные люди и могли бы они пойти биться на смерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и все казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота... Люди все сидели и думали. Но ничто — ни работа, ни женщины не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабли люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых. — и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом все громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один».

Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящем сердце Данко. Она говорила певуче, и голос ее, скрипучий и глухой, ясно рисовал предо мной шум леса, среди которого умирали от ядовитого дыхания болота несчастные, загнанные люди...

«Данко — один из тех людей, молодой красавец. Красивые — всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

« — Не своротить камня с пути думою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдем в лес и пройдем его сивозь, ведь имеет же он конец — все на свете имеет конец! Идемте! Ну! Гей!..

«Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

« — Веди ты нас! — сказали они.

«Тогда он повел...»

Старуха помолчала и посмотрела в степь, где все густела тьма. Искорки горящего сердца Данко вспыхивали где-то далеко и казались голубыми воздушными цветами, расцветая только на миг.

«Повел их Данко. Дружно все пошли за ним — верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Все гуще становился лес, все меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повел их куда-то. А он шел впереди их и был бодр и ясен.

«Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нем собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди, между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнем и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещенные холодным огнем молний, казались живыми, простирающими вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, темное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомленные им, падали

духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гневѣ обрушились на Данко, человека, который шел впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими,— вот как!

«Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

«— Ты,— сказали они,— ничтожный и вредный человек для нас! Ты повел нас и утомил, и за это ты погибнешь!

«— Вы сказали: «веди!» — и я повел! — крикнул Данко, становясь против них грудью. — Во мне есть мужество вести, вот потому я повел вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их еще более.

«— Ты умрешь! Ты умрешь! — ревѣли они.

«А лес все гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понес труд, и видел, что они — как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнем желания спасти их, вывести на легкий путь, и тогда в его очах за- сверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого еще ярче загорелось в нем сердце, ибо эта их дума родила в нем тоску.

«А лес все пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь...

«— Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко.

«И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой.

«Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумленные, стали как камни.

«— Идем! — крикнул Данко и бросился вперед на свое место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

«Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивленно качая вершинами, но его шум был заглушен топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слез. А Данко все был впереди, и сердце его все пылало, пылало!

«И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождем. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что была горячей струей из разорванной груди Данко.

«Кинул взор вперед себя на ширь степи гордый смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер.

«Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что еще пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...»

«Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!»

Теперь, когда старуха кончила свою красивую сказку, в степи стало страшно тихо, точно и она была поражена силой смельчака Данко, который сжег для людей свое сердце и умер, не прося у них ничего в награду себе. Старуха дремала. Я смотрел на нее и думал: сколько еще сказок и воспоминаний осталось в ее памяти? И думал о великом горя-

щем сердце Данко и о человеческой фантазии, создавшей столько красивых и сильных легенд.

Дунул ветер и обнажил из-под лохмотьев сухую грудь старухи Изергиль, засыпавшей все крепче. Я прикрыл ее старое тело и сам лег на землю около нее. В степи было тихо и темно. По небу все ползли тучи, медленно, скучно... Море шумело глухо и печально.

(1895 г.)

СИМПЛОНСКИЙ ТУННЕЛЬ*

Синее спокойное озеро в глубокой раме гор, окрыленных вечным снегом, темное кружево садов пышными складками опускается к воде, с берега смотрят в воду белые дома, кажется, что они построены из сахара, и все вокруг похоже на тихий сон ребенка.

Утро. С гор ласково течет запах цветов, только что взошло солнце; на листьях деревьев, на стеблях трав еще блестит роса. Серая лента дороги брошена в тихое ущелье гор, дорога мощена камнем, но кажется мягкой как бархат, хочется погладить ее рукою.

Около груды щебня сидит черный, как жук, рабочий, на груди у него медаль, лицо смелое и ласковое.

Положив бронзовые кисти рук на колена свои, приподняв голову, он смотрит в лицо прохожего, стоящего под каштаном, говоря ему:

— Это, синьор, медаль за работу в Симплонском туннеле.

И, опустив глаза на грудь, ласково усмехается красивому куску металла.

— Э, всякая работа трудна, до времени, пока ее не полюбишь, а потом — она возбуждает и становится легче. Все-таки — да, было трудно!

* Отрывок из «Сказок об Италии».

Он тихонько покачал головой, улыбаясь солнцу, внезапно оживился, взмахнул рукою, черные глаза заблестели.

— Было даже страшно, иногда. Ведь и земля должна что-нибудь чувствовать — не так ли? Когда мы вошли в нее глубоко, прорезав в горе эту рану, — земля там, внутри, встретила нас сурово. Она дышала на нас жарким дыханием, от него замирало сердце, голова становилась тяжелой и болели кости, — это испытано многими! Потом она сбрасывала на людей камни и обливала нас горячей водой; это было очень страшно! Порою, при огне, вода становилась красной, и отец мой говорил мне: ранили мы землю, потопит, сожжет она всех нас своею кровью, увидишь! Конечно, это фантазия, но когда такие слова слышишь глубоко в земле, среди душной тьмы, плачевного хлюпанья воды и скрежета железа о камень, — забываешь о фантазиях. Там все было фантастично, дорогой синьор; мы, люди — такие маленькие, и она, эта гора — до небес, гора, которой мы сверлили чрево... это надо видеть, чтоб понять! Надо видеть черный зев, прорезанный нами, маленьких людей, входящих в него утром, на восходе солнца, а солнце смотрит печально вслед уходящим в недра земли, — надо видеть машины, угрюмое лицо горы, слышать темный гул глубоко в ней и эхо взрывов, точно хохот безумного.

Он осмотрел свои руки, поправил на синей куртке жетон, тихонько вздохнул.

— Человек — умеет работать! — продолжал он с гордостью. — О, синьор, маленький человек, когда он хочет работать — непобедимая сила! И поверьте: в конце концов этот маленький человек сделает все, чего хочет. Мой отец сначала не верил в это:

— «Прорезать гору насквозь из страны в страну» — говорил он — «это против бога, разделившего землю стенами гор — вы увидите, что мадонна будет не с нами!» Он ошибся, мадонна со всеми, кто любит ее. Позднее отец тоже стал думать почти так же, как вот я говорю вам, потому что почувствовал себя выше, сильнее горы; но было время,

когда он по праздникам, сидя за столом перед бутылкой вина, внушал мне и другим:

— «Дети бога» — это любимая его поговорка, потому что он был добрый и религиозный человек — «дети бога, так нельзя бороться с землей, она отомстит за свои раны и останется непобежденной! Вот вы увидите: просверлим мы гору до сердца и когда коснемся его — оно сожжет нас, бросит в нас огонь, потому что сердце земли — огненное, это знают все! Возделывать землю — это так, помогать ее родам — нам заповедано, а мы искажаем ее лицо, ее формы. Смотрите: чем дальше врываемся мы в гору, тем горячее воздух и труднее дышать»...

Человек тихонько засмеялся, подкручивая усы пальцами обеих рук.

— Не один он думал так, и это верно было: чем дальше — тем горячее в туннеле, тем больше хворало и падало в землю людей. И все сильнее текли горячие ключи, осыпалась порода, а двое наших, из Лугано, сошли с ума. Ночами в казарме у нас многие бредили, стонали и вскакивали с постелей в некоем ужасе...

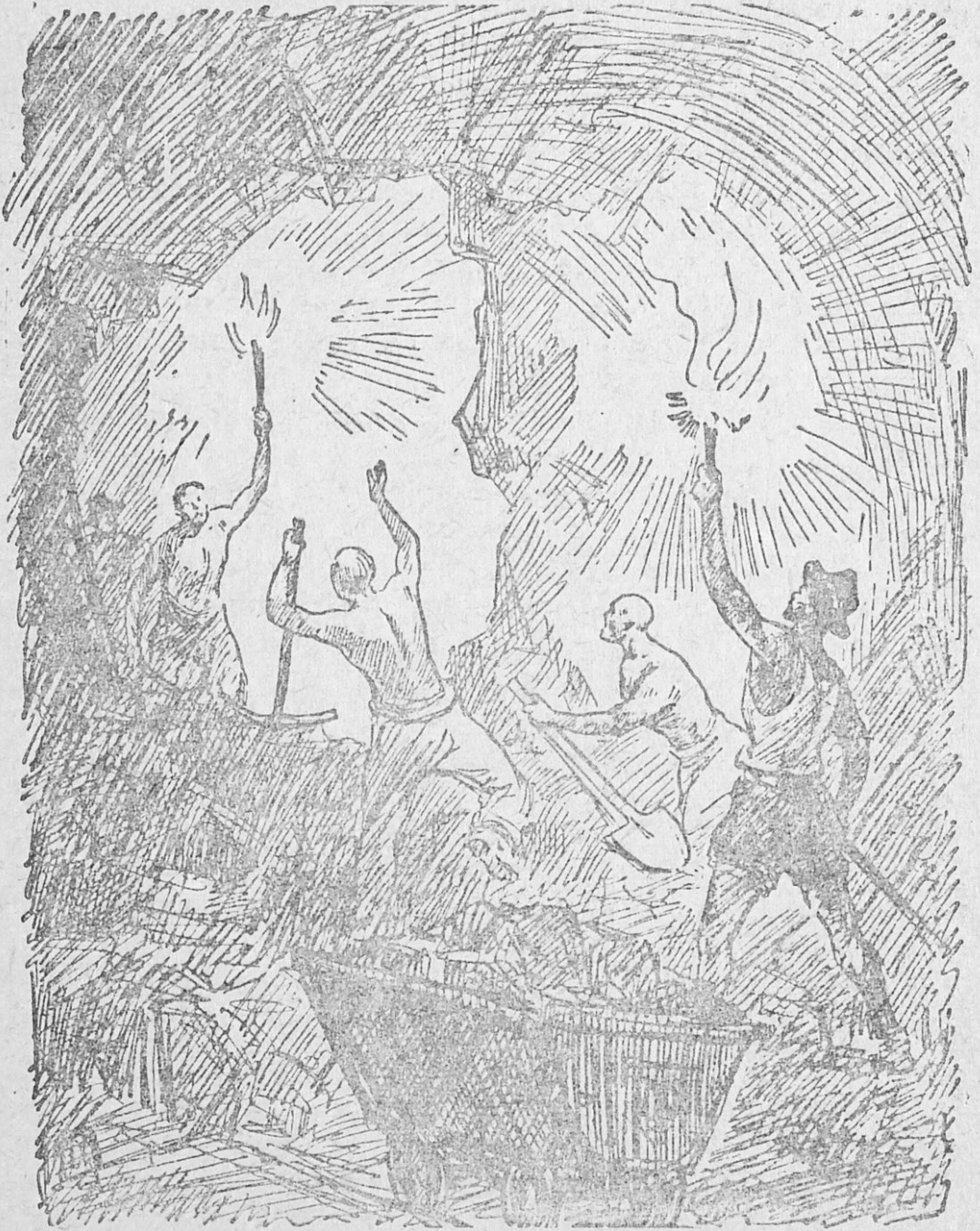
— «Разве я не прав?» — говорил отец, со страхом в глазах и кашляя все чаще, глуше... «Разве я не прав?» — говорил он. — «Это непобедимо, земля!»

— И наконец — лег, чтобы уже не встать никогда. Он был крепок, мой старик, он больше трех недель спорил со смертью, упорно, без жалоб, как человек, который знает себе цену.

— «Моя работа — кончена, Паоло», — сказал он мне однажды ночью. — «Береги себя и возвращайся домой, да сопутствует тебе мадонна!» — Потом долго молчал, закрыв глаза, задыхаясь.

Человек встал на ноги, оглядел горы и потянулся с такой силою, что затрещали сухожилия.

— Взял за руку меня, привлек к себе и говорит — святая правда, синьор! — «Знаешь, Паоло, сын мой, я, все-таки, думаю, что это совершится: мы и те, что идут с другой стороны, найдем друг друга в горе, мы встретимся — ты

веришь в это?» Я — верил. — «Хорошо, сын мой! Так и надо: все надо делать с верой в благостный исход и в бога, который помогает, молитвами мадонны, добрым делам. Я прошу тебя, сын, если это случится, если сойдутся люди — приди ко мне на могилу и скажи: отец — сделано! Чтобы я знал!»

— Это было хорошо, дорогой синьор, и я обещал ему. Он умер через пять дней после этих слов, а за два дня до смерти просил меня и других, чтоб его зарыли там, на месте, где он работал, в туннеле, очень просил, но это уже бред, я думаю...

— Мы и те, что шли с другой стороны, встретились в горе через тринадцать недель после смерти отца — это был безумный день, синьор! О, когда мы услышали там, под землею, во тьме, шум другой работы, шум идущих встречу нам под землею — вы поймите, синьор, — под огромною тяжестью земли, которая могла бы раздавить нас, маленьких, всех сразу!

— Много дней слышали мы эти звуки, такие гулкие, с каждым днем они становились все понятнее, яснее, и нами овладевало радостное бешенство победителей — мы работали, как злые духи, как бесплотные, не ощущая усталости, не требуя указаний — это было хорошо, как танец в солнечный день, честное слово! И все мы стали так милы и добры, как дети. Ах, если бы вы знали, как сильно, как нестерпимо страстно желание встретить человека во тьме, под землей, куда ты, точно крот, врывался долгие месяцы!

Он весь вспыхнул, подошел вплоть к слушателю и, заглядывая в глаза ему своими глубокими человеческими глазами, тихо и радостно продолжал:

— А когда, наконец, рушился пласт породы, и в отверстии засверкал красный огонь факела, и чье-то черное, облитое слезами радости лицо, и еще факелы и лица, и загремели крики победы, крики радости — о, это лучший день моей жизни, и, вспоминая его, я чувствую — нет, я не даром жил! Была работа, моя работа, святая работа, синьор, говорю я вам! И когда мы вышли из-под земли на солнце,

то многие, ложась на землю грудью, целовали ее, плакали — и это было так хорошо, как сказка! Да, целовали побежденную гору, целовали землю — в тот день особенно близка и понятна стала она мне, синьор, и полюбил я ее, как женщину!

— Конечно, я пошел к отцу, о, да! Конечно, — хотя я знаю, что мертвые не могут ничего слышать, но я пошел: надо уважать желания тех, кто трудился для нас и не менее нас страдал — не так ли?

— Да, да, я пошел к нему на могилу, постучал о землю ногой и сказал — как он желал этого:

— Отец — сделано! — сказал я. — Люди — победили. Сделано, отец!

(1911 г.)

ЛЕГЕНДА О МАТЕРИ*

Прославим женщину — Мать, неиссякаемый источник все побеждающей жизни!

Здесь пойдет речь о железном Тимур-ленге, хромом барсе, о Сахиб-и-Кирани — счастливом завоевателе, о Тамерлане, как назвали его неверные, о человеке, который хотел разрушить весь мир.

Пятьдесят лет ходил он по земле, железная стопа его давила города и государства, как нога слона — муравейники; красные реки крови текли от его путей во все стороны; он строил высокие башни из костей побежденных народов, он разрушал жизнь, споря в силе своей со Смертью, он мстил ей за то, что она взяла сына его Джигангира; страшный человек — он хотел отнять у нее все жертвы — да издохнет она с голода и тоски!

* Отрывок из «Сказок об Италии».

С того дня, как умер сын его Джигангир и народ Самарканда встретил победителя злых Джеттов одетый в черное и голубое, посыпав головы свои пылью и пеплом, с того дня и до часа встречи со Смертью в Отраре, где она победила его, — тридцать лет Тимур ни разу не улыбнулся — так жил он, сомкнув губы, ни пред кем не склоняя головы, и сердце его было закрыто для сострадания — тридцать лет!

Прославим в мире женщину — Мать, единую силу, пред которой покорно склоняется Смерть! Здесь будет сказана правда о Матери, о том, как преклонился пред нею слуга и раб Смерти, железный Тамерлан, кровавый бич земли.

Вот как это было: пировал Тимур-бек в прекрасной долине Канигула, покрытой облаками роз и жасмина, в долине, которую поэты Самарканда называли «Любовь цветов» и откуда видны голубые минареты великого города, голубые купола мечетей.

Пятнадцать тысяч круглых палаток раскинуто в долине широким веером, все они — как тюльпаны, и над каждой — сотни шелковых флагов трепещут, как живые цветы.

А в середине их — палатка Гуругана-Тимура — как царица среди своих подруг. Она о четырех углах, сто шагов по сторонам, три копия в высоту, ее середина — на двенадцати золотых колоннах в толщину человека, на вершине ее голубой купол, вся она из черных, желтых, голубых полос шелка, пятьсот красных шнуров прикрепили ее к земле, чтобы она не поднялась в небо, четыре серебряных орла по углам ее, а под куполом, в середине палатки, на возвышении — пятый, сам непобедимый Тимур-Гуруган, царь царей.

На нем широкая одежда из шелка небесного цвета, ее осыпают зерна жемчуга — не больше пяти тысяч крупных зерен, да! На его страшной, седой голове — белая шапка с рубином на острой верхушке, и качается, качается — сверкает этот кровавый глаз, озирая мир.

Лицо Хромого — как широкий нож, покрытый ржавчиной от крови, в которую он погружался тысячи раз; его глаза узки, но они видят все, и блеск их подобен холодному бле-

ску царамута, любимого камня арабов, который неверные зовут изумрудом и который убивает падучую болезнь. А в ушах царя — серьги из рубинов Цейлона, из камней цвета губ красивой девушки.

На земле — на коврах, каких больше нет — триста золотых кувшинов с вином и все, что надо для пира царей; позади Тимура сидят музыканты, рядом с ним — никого, у ног его — его кровные, цари и князья, и начальники войск, а ближе всех к нему — пьяный Кермани — поэт, тот, который однажды, на вопрос разрушителя мира:

— Кермани! Сколько б ты дал за меня, если б меня продавали? — ответил сеятелю смерти и ужаса:

— Двадцать пять аскеров.

— Но ведь это цена только моего пояса! — вскричал удивленный Тимур.

— Я и думаю только о поясе, — ответил Кермани, — только о поясе, потому что сам ты не стоишь ни гроша!

Вот, как говорил поэт Кермани с царем царей, человеком зла и ужаса, и да будет для нас слава поэта, друга правды, навсегда выше славы Тимура!

Прославим поэтов, у которых один бог — красиво сказанное, бесстрашное слово правды, вот кто бог для них — навсегда!

И вот, в час веселья, разгула, гордых воспоминаний о битвах и победах, в шуме музыки и народных игр пред палаткой царя, где прыгали бесчисленные пестрые шуты, боролись силачи, изгибались канатные плясуны, заставляя думать, что в их телах нет костей, состязаясь в ловкости убивать фехтовали воины, и шло представление со слонами, которых окрасили в красный и зеленый цвета, сделав этим одних — ужасными и смешными — других, — в этот час радости людей Тимура, пьяных от страха пред ним, от гордости славой его, от усталости побед, и вина, и кумыса — в этот безумный час, вдруг, сквозь шум, как молния сквозь тучу, до ушей победителя Баязета-султана долетел крик женщины, гордый крик орлицы, звук знакомый и родствен-

ный его оскорбленной душе — оскорбленной Смертью и потому жестокой к людям и жизни.

Он приказал узнать, кто там кричит голосом без радости, и ему сказали, что явилась какая-то женщина, она вся в пыли и лохмотьях, она кажется безумной, говорит по-арабски и требует — она требует! — видеть его, повелителя трех стран света.

— Приведите ее! — сказал царь.

И вот, пред ним женщина — босая, в лохмотках выцветших на солнце одежд, черные волосы ее были распущены, чтобы прикрыть голую грудь, лицо ее как бронза, а глаза — повелительны, и темная рука, протянутая Хромому, не дрожала.

— Это ты победил султана Баязета? — спросила она.

— Да, я. Я победил многих и его, и еще не устал от побед. А что ты скажешь о себе, женщина?

— Слушай! — сказала она. — Что бы ни сделал, ты — только человек, а я — Мать! Ты служишь смерти, я — жизни. Ты виноват предо мной, и вот я пришла требовать, чтобы ты искупил свою вину, — мне говорили, что девиз твой — «сила в справедливости», — я не верю этому. но ты должен быть справедлив ко мне, потому что я — Мать!

Царь был достаточно мудр для того, чтобы почувствовать за дерзостью слов силу их, — он сказал:

— Сядь и говори, я хочу слушать тебя!

Она села — как нашла удобным — в тесный круг царей, на ковер, и вот что рассказала она:

— Я — из под Салерно, это далеко, в Италии, ты не знаешь, где! Мой отец — рыбак, мой муж — тоже, он был красив, как счастливый человек — это я поила его счастьем! И еще был у меня сын — самый прекрасный мальчик на земле...

— Как мой Джигангир, — тихо сказал старый воин.

— Самый красивый и умный мальчик — это мой сын! Ему было шесть лет уже, когда к нам на берег явились сарадины-пираты, они убили отца моего, мужа и еще многих, а мальчика похитили, и вот четыре года, как я его

ищу на земле. Теперь он у тебя, я это знаю, потому что воины Баязета схватили пиратов, а ты — победил Баязета и отнял у него все, ты должен знать. Гла мой сын, должен отдать мне его!

Все засмеялись, и сказали тогда цари — они всегда считают себя мудрыми:

— Она — безумна! — сказали цари и друзья Тимура, князья и военачальники его, и все смеялись.

Только Кермани смотрел на женщину серьезно, и с великим удивлением — Тамерлан.

— Она безумна — как Мать! — тихо молвил пьяный поэт Кермани; а царь — враг мира — сказал:

— Женщина! Как же ты пришла из этой страны, неведомой мне, через моря, реки и горы, через леса? Почему звери и люди — которые часто злее злейших зверей — не тронули тебя, ведь ты шла, даже не имея оружия, единственного друга беззащитных, который не изменяет им, доколе у них есть сила в руках? Мне надо знать все это, чтобы поверить тебе и чтобы удивление пред тобою не мешало мне понять тебя!

Восславим женщину — Мать, чья любовь не знает преград, чьей грудью вскормлен весь мир! Все прекрасное в человеке — от лучей солнца и от молока Матери, — вот что насыщает нас любовью к жизни!

Сказала она Тимур-ленгу:

— Море я встретила только одно, на нем было много островов и рыбацких лодок, а ведь если ищешь любимое — дует попутный ветер. Реки легко переплыть тому, кто рожден и вырос на берегу моря. Горы? Я не заметила гор.

Пьяный Кермани весело сказал:

— Гора становится долиной, когда любишь!

— Были леса по дороге, да, это — было! Встречались вепри, медведи, рыси и страшные быки, с головой, опущенной к земле, и дважды смотрели на меня барсы, глазами, как твои. Но ведь каждый зверь имеет сердце, я говорила с ними, как с тобой, они верили, что я — Мать, и уходили, вздыхая, — им было жалко меня! Разве ты не

знаешь, что звери тоже любят детей и умеют бороться за жизнь и свободу их не хуже, чем люди?

— Так, — женщина! — сказал Тимур. — И часто — я знаю — они любят сильнее, борются упорнее, чем люди!

— Люди, — продолжала она, как дитя, ибо каждая Мать — сто раз дитя в душе своей, — люди — это всегда дети своих матерей, — сказала она, — ведь у каждого есть Мать, каждый чей-то сын, даже и тебя, старик — ты знаешь это — родила женщина, — ты можешь отказаться от бога, но от этого не откажешься и ты, старик!

— Так, женщина! — воскликнул Кермани, бесстрашный поэт. — Так, — от сборища быков — телят не будет, без солнца — не цветут цветы, без любви нет счастья, без женщины нет любви, без Матери — нет ни поэта, ни героя!

И сказала женщина:

— Отдай мне моего ребенка, потому что я — Мать и люблю его!

Поклонимся женщине — она родила Моисея, Магомета и великого пророка Иисуса, который был умерщвлен злыми, но — как сказал Шерифэддин — он еще воскреснет и придет судить живых и мертвых, в Дамаске это будет, в Дамаске!

Поклонимся Той, которая неумоимо родит нам великих! Аристотель сын ее, и Фирдуси, и сладкий, как мед, Саади, и Омар Хайям, подобный вину, смешанному с ядом, Искандер и слепой Гомер — это все Ее дети, все они пили Ее молоко и каждого Она ввела в мир за руку, когда они были ростом не выше тюльпана, вся гордость мира — от Матерей!

И вот, задумался седой разрушитель городов, хромой тигр Тимур-Гуруган и долго молчал, а потом сказал ко всем:

— Мен тангри кули Тимур! Я, раб божий Тимур, говорю что следует! Вот — жил я, уже много лет земля стонет подо мною, и тридцать лет, как я уничтожаю жатву смерти вот этою рукой, — для того уничтожаю, чтобы отомстить ей за сына моего Джигангира, за то, что она погасила солнце сердца моего! Боролись со мною за царство и города, но —

никто, никогда за человека, и не имел человек цены в глазах моих, и не знал я — кто он и зачем на пути моем? Это я, Тимур, сказал Баязету, победив его: «о, Баязет, как видно — пред богом ничто государства и люди, смотри — он отдает их во власть таких людей, каковы мы: ты — кривой, я — хром!» Так сказал я ему, когда его привели ко мне в цепях и он не мог стоять под тяжестью их, так сказал я, глядя на него в несчастьи, и почувствовал жизнь горькою, как полынь, трава развалин!

— Я, раб божий Тимур, говорю что следует! Вот — сидит предо мною женщина, каких тьмы, и она возбудила в душе моей чувства, неведомые мне. Говорит она мне, как равному, и она не просит, а — требует. И я вижу, понял я, почему так сильна эта женщина — она любит, и любовь помогла ей узнать, что ребенок ее — искра жизни, от которой может вспыхнуть пламя на многие века. Разве все пророки не были детьми, и герои — слабыми? О, Джигангир, огонь моих очей, может быть, тебе суждено было согреть землю, засеять ее счастьем — я хорошо полил ее кровью, и она стала тучной!

Снова долго думал бич народов и сказал, наконец:

— Я, раб божий Тимур, говорю что следует! Триста всадников отправятся сейчас же во все концы земли моей и пусть найдут они сына этой женщины, а она будет ждать здесь, и я буду ждать вместе с нею; тот же, кто воротится с ребенком на седле своего коня, он будет счастлив — говорит Тимур! Так, женщина?

Она откинула с лица черные волосы, улыбнулась ему и ответила, кивнув головой:

— Так, царь!

Тогда встал этот страшный старик и молча поклонился ей, а веселый поэт Кермани говорил, как дитя, с большой радостью:

— Что прекрасней песен о цветах и звездах?

Всякий тотчас скажет: песни о любви!

Что прекрасней солнца в ясный полдень мая?

И влюбленный скажет: та, кого люблю!

Ах, прекрасны звезды в небе полуночи — знаю!
И прекрасно солнце в ясный полдень лета — знаю!
Очи моей милой всех цветов прекрасней — знаю!
И ее улыбка ласковее солнца — знаю!

Но еще не спета песня всех прекрасней,
Песня о начале всех начал на свете,
Песнь о сердце мира, о волшебном сердце
Той, кого мы, люди, Матерью зовем!

И сказал Тимур-ленг своему поэту:

— Так, Кермани! Не ошибся бог, избрав твои уста для
того, чтобы возвещать его мудрость!

— Э! Бог сам — хороший поэт! — молвил пьяный Кер-
мани.

А женщина улыбалась, и улыбались все цари и князья,
военачальники и все другие дети, глядя на нее — Мать!

Все это — правда; все слова здесь — истина, об этом
знают наши матери, спросите их, и они скажут:

— Да, все это вечная правда, мы — сильнее смерти, мы,
которые непрерывно дарим миру мудрецов, поэтов и героев,
мы, кто сеет в нем все, чем он славен!

(1912 г.)

ДЕВУШКА И СМЕРТЬ

Сказка

I

По деревне ехал царь с войны.
Едет — черной злобой сердце точит.
Слышит — за кустами бузины
Девушка хохочет.

Грозно брови рыжие нахмуря,
Царь ударил шпорами коня,
Налетел на девушку, как буря,
И кричит, доспехами звеня:

— «Ты чего, — кричит он зло и грубо, —
Ты чего, девчонка, скалишь зубы?
Одержал враг надо мной победу,
Вся моя дружина перебита,
В плен попала половина свиты,
Я домой, за новой ратью еду,
Я — твой царь, я в горе и обиде, —
Каково мне глупый смех твой видеть?»

Кофточку оправя на груди,
Девушка ответила царю:

— «Отойди, — я с милым говорю!
Батюшка, ты, лучше отойди».

Любимь, так уж тут не до царей,—
Некогда беседовать с царями!
Иногда любовь горит скорей
Тонкой свечки в жарком божьем храме.

Царь затрясся весь от дикой злости,
Приказал своей покорной свите:
«Ну-те-ко, в тюрьму девчонку бросьте,
Или, лучше,—сразу удавите!»
Исказив угодливые рожи,
Бросились к девице, словно черти,
Конюхи царевы и вельможи,—
Предали девицу в руки Смерти.

II

Смерть всегда злым демонам покорна,
Но в тот день она была не в духе,—
Ведь весной любви и жизни зерна
Набухают даже в ней, старухе.
Скучно век возиться с тухлым мясом,
Истреблять в нем разные болезни;
Скучно мерять время смертным часом —
Хочется пожить побесполезней.
Все, пред неизбежной с нею встречей,
Ощущают только страх нелепый,—
Надоел ей ужас человеческий,
Надоели похороны, склепы.
Занята неблагодарным делом
На земле и грязной, и недужной,
Делает она его умело,—
Люди же считают Смерть ненужной,
Ну, конечно, ей обидно это,
Злит ее людское наше стадо,
И, озлясь, сживает Смерть со света
Иногда не тех, кого бы надо.

Полюбить бы Сатану ей, что ли,
Подышать бы вволю адским зноем.
Зарыдать бы от любовной боли
Вместе с огнекудрым Сатаною!

III

Девушка стоит пред Смертью, смело
Грозного удара ожидая.

Смерть бормочет, — жертву пожалела:

— «Ишь ты, ведь, какая молодая!

Что ты нагрubiла там царю?

Я тебя за это уморю!»

— «Не сердись, — ответила девица, —

За што на меня тебе сердиться?

Целовал меня впервые милый

Под кустом зеленой бузины, —

До царя ли мне в ту пору было?

Ну, а царь, на грех, бежит с войны.

Я и говорю ему, царю,

Отойди, мол, батюшка, отсюда!

Хорошо, как будто, говорю,

А — гляди-ко, вышло-то как худо!

Что ж?! От Смерти некуда деваться

Видно, я умру, не долюбя.

Смертушка! Душой прошу тебя —

Дай ты мне еще поцеловаться!»

Странны были Смерти речи эти, —

Смерть об этом никогда не просят!

Думает: «Чем буду жить на свете,

Если люди целоваться бросят?»

И на вешнем солнце кости грея,

Смерть сказала, подманив змею:

— «Ну, ступай, целуйся, да — скорее!

Ночь — твоя, а на заре — убью!»

И на камень села, ожидает!

А змея ей жалом косу лижет.

Девушка от счастья рыдает,

Смерть ворчит: «Иди, скорей, иди же!»

IV

Вешним солнцем ласково согрета,
Смерть разула стоптанные лапти,
Прилегла на камень и — уснула.
Нехороший сон приснился Смерти!

Будто бы ее родитель, Каин,
С правнуком своим — Искаротом,
Дряхленькие оба, лезут в гору, —
Точно две змеи ползут тихонько.

— «Господи!» — угрюмо стонет Каин,
Глядя в небо тусклыми глазами.
— «Господи!» — взывает злой Иуда,
От земли очей не поднимая.

Над горою, в облаке румянном
Возлежит господь, — читает книгу;
Звездами написана та книга,
Млечный путь — один ее листочек.
На верху горы стоит архангел,
Снопик молний в белой ручке держит.
Говорит он путникам сурово:

— «Прочь идите! Вас господь не примет!»
— «Михаиле! — жалуется Каин, —
Знаю я — велик мой грех пред миром!
Я родил убийцу светлой Жизни,
Я отец проклятой, подлой Смерти!»
— «Михаиле! — говорит Иуда, —
Знаю, что я Каина грешнее,
Потому что предал подлой Смерти
Светлое, как солнце, божье сердце!»

И взывают оба они, в голос:

— «Михаиле! — Пусть господь хоть слово
Скажет нам, хоть только пожалеет —
Ведь прощенья мы уже не молим!»

Тихо отвечает им архангел:

— «Трижды говорил ему я это,
Дважды ничего он не сказал мне,

В третий раз, качнув главою, молвил:
— Знай,— доколе Смерть живое губит,
Каину с Иудой нет прощенья.
Пусть их тот простит, чья сила может
Побороть навеки силу Смерти».

Тут Братоубийца и Предатель
Горестно завывали, зарыдали
И, обнявшись, оба покатились
В смрадное болото под горою.

А в болоте бесятся, ликуя,
Упыри, кикиморы и черти.
И плюют на Каина с Иудой
Синими, болотными огнями.

V

Смерть проснулась около полудня,
Смотрит,— а девица не пришла!
Смерть бормочет сонно: «Ишь, ты, блудня!
Видно ночь-то коротка была!»

Сорвала подсолнух за плетнем,
Нюхает; любит, как солнце
Золотит живым своим огнем
Лист осины в желтые червонцы.

И на солнце глядя, вдруг запела
Тихо и гнусаво, как умела:

— «Беспоощадною рукой
Люди ближнего убьют
И хоронят. И поют:
«Со святыми упокой!»
Не пойму я ничего! —
Деспот бьет людей и гонит,
А издохнет — и его
С той же лесенкой хоронят!

Честный помер или вор —
С одинаковой тоской
Распевает грустный хор:
«Со святыми упокой!»

Дурака, скота иль хама
Я убью моей рукой,
Но для всех поют упрямо:
«Со святыми упокой!»

VI

Спела песню — начинает злиться,
Уж прошло гораздо больше суток,
А — не возвращается девица.
Это — плохо. Смерти — не до шуток.

Становясь все злее и жесточе,
Смерть обула лапти и онучи
И, едва дождавшись лунной ночи,
В путь идет, грозней осенней тучи.
Час прошла и видит: в перелеске,
Под росистой молодой орешней
На траве атласной, в лунном блеске
Девушка сидит богиней вешней.

Как земля гола весною ранней,
Грудь ее обнажена бесстыдно,
И на коже шелковистой, ланьей,
Звезды поцелуев ярко видны.
Два соска, как звезды, красят грудь,
И — как звезды — кротко смотрят очи
В небеса, на светлый Млечный путь,
На тропу синеволосой ночи.

Под глазами голубые тени,
Точно рана — губы влажно алы.
Положив ей голову в колени,
Дремлет парень, как олень усталый.

Смерть глядит, и тихо пламя гнева
Гаснет в ее черепе пустом.

— «Ты чего же это, словно Ева,
Спряталась от бога за кустом?»

Точно небом — лунно-звездным телом
Милого от Смерти заслоня,

Отвечает ей девица смело:

— «Погоди-ко, не ругай меня!
Не шуми, не испугай беднягу,
Острою косою не звени!
Я сейчас приду, в могилу лягу.
А его — подольше сохрани!
Виновата, не пришла я к сроку,
Думала — до Смерти не далеко.
Дай еще парнишку обниму:
Больно хорошо со мной ему!
Да и он — хорош! Ты погляди,
Вон какие он оставил знаки
На щеках моих и на груди.
Вишь, цветут, как огненные маки!»

Смерть, стыдась, тихонько засмеялась:

— «Да, ты будто с солнцем целовалась.
Но — ведь у меня ты не одна, —
Тысячи я убивать должна!
Я, ведь, честно времени служу,
Дела — много, а уж я — стада,
Каждою минутой дорожу,
Собирайся, девушка, пора!»

Девушка — свое:

— «Обнимет милый,
Ни земли, ни неба больше нет.
И душа полна нездешней силой,
И горит в душе нездешний свет.
Нету больше страха пред Судьбой
И ни бога, ни людей не надо!
Как дитя — собою радость рада,
И любовь любит себя».

Смерть молчит задумчиво и строго,
Видит — не прервать ей этой песни!

Краше солнца — нету в мире бога,
Нет огня — огня любви чудесней!

VII

Смерть молчит, а девушкины речи
Зависти огнем ей кости плавят,
В жар и холод властно ее мечут,
Что же сердце Смерти миру явит?
Смерть — не мать, но — женщина, и в ней
Сердце тоже разума сильней;
В темном сердце Смерти есть ростки
Жалости, и гнева, и тоски.

Тем, кого она полюбит крепче,
Кто ужален в душу злой тоскою,
Как она любовно ночью шепчет
О великой радости покоя!
— «Что ж, — сказала Смерть, — пусть будет чудо!
Разрешаю я тебе — живи!
Только я с тобою рядом буду,
Вечно буду около Любви!»

С той поры Любовь и Смерть, как сестры,
Ходят неразлучно до сего дня,
За Любовью Смерть с косою острой
Тащится повсюду, точно сводня.
Ходит, околдована сестрою,
И везде — на свадьбе и на тризне
Неустанно, неуклонно строит
Радости Любви и счастье Жизни.

(1892 г.)

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Аристотель — величайший философ древнего мира.

Баязет — турецкий султан, разбитый и плененный Тамерланом (см. Тимур-ленг).

Гомер — поэт древней Греции, творец эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

Джетты — старинное название одной из среднеазиатских народностей.

Искандер — Александр Македонский, царь Македонии, один из величайших полководцев древности.

Магомет — основатель Ислама — религии, распространенной среди многих народов Азии и Африки.

Моисей — по религиозным преданиям вероучитель еврейского народа в древности.

Отрар — древний город Средней Азии.

Симплонский туннель — был построен в начале XX века в Швейцарских Альпах. Длина его около 20 километров.

Тимур-ленг, Тамерлан — измененные имена Тимура — знаменитого средневекового полководца монголов. В результате многих завоевательно-грабительских походов объединил под своей властью огромную территорию, простиравшуюся от верховьев Иртыша до Красного моря.

Фирдуси, Саади, Омар Хайям — средневековые персидские поэты.

Шерифэддин — персидский историк XV века.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
Песня о Буревестнике	3
Песня о Соколе	4
Легенда о горящем сердце	9
Симплонский туннель	16
Легенда о Матери	21
Девушка и смерть	30

Редактор Р. М. Воронова

Иллюстрации и обложка

худ. А. В. Кокорина

Технический редактор Е. Н. Еремеева

Корректор В. К. Васильев

* * *

Г800937. Подписано к печати. 11.10.45.

Изд. № 395. Объем 11/4 п. л.

1,7 уч.-авт. л. В 1 п. л. 53 000 тип. зн. Зак. 735.

* * *

1-я типография Управления Воениздата НКО

имени С. К. Тимошенко

100р.

Цена 25 коп.